
**ПРАВО
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
В СВЕТЕ НЮРНБЕРГСКИХ ПРИНЦИПОВ**

© 2016 г. Станислав Валентинович Черниченко¹

Международные преступления означают тяжкие преступления международного права, совершаемые государством. Преступления против международного права – деяния, совершаемые индивидами. В первом случае они влекут международно-правовую ответственность, во втором – уголовную ответственность индивидов. Нюрнбергские принципы говорят о связи того и другого.

International crimes mean a grave violation of International Law committed by the state. Crimes against International Law are actions made by individuals. In the first case it entails the international law responsibility. In the second case it entails criminal responsibility of individuals. The Nürnberg principles are the evidence of the connection of both cases.

Ключевые слова: международное преступление, преступление против международного права, Нюрнбергские принципы, резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 60/1 от 16 сентября 2005 г.

Key words: international crime, crime against International Law, Nürnberg principles, UN General Assembly resolution 60/1 of 16 September 2005.

Было бы правильным различать международные преступления как деяния государства и преступления против международного права как деяния индивидов, требующих объединить усилия государств для борьбы с ними. Этот вопрос стал особенно ясным под влиянием Нюрнбергского процесса. До сих пор можно заметить тенденцию называть определенные действия государства и действия индивидов термином “международные преступления”. Вероятно, иногда для журналистов и даже для политиков это кажется не столь существенным. Но хотя бы ради точности называть одним и тем же словом два разных явления непродуктивно, способно ввести в заблуждение.

Известная резолюция Генеральной Ассамблеи 95 (I) от 11 декабря 1946 г. подтвердила, что принципы, содержащиеся в Уставе Международного Военного Трибунала и в его приговоре, являются принципами международного права. Несмотря на то что эта резолюция как акт Генеральной Ассамблеи имеет рекомендательный характер, ее можно рассматривать как свидетельство *opinion juris*, как доказательство существования международных обычных норм.

Нюрнбергские принципы, как показывает текст Устава Трибунала и его приговора, относятся именно к уголовной ответственности индивидов. Уместно привести следующее высказывание из приговора Трибунала: “Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права”². Подчеркнем выражение “преступления против международного права”.

Работа Комиссии международного права по формулированию Нюрнбергских принципов не привела, к сожалению, к принятию какого-либо вида окончательного документа. Но принятые Комиссией принципы отражают практически общее признание межгосударственным сообществом сути этих принципов.

Можно считать, что Нюрнбергские принципы стали признаваться императивными нормами международного права (*jus cogens*) в той мере, в какой следует говорить о геноциде, преступлениях против человечности и военных преступлениях. Надо обратить внимание на принцип II, подготовленный Комиссией международного права: “То обстоятельство, что по внутреннему

¹ Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (E-mail: igpran@igpran.ru).
Stanislav Chernichenko, Doctor of Law, Professor, honored scientist of the Russian Federation (E-mail: igpran@igpran.ru).

² Нюрнбергский процесс. Т. VII. М., 1961. С. 368.

праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву”³. “Согласно международному праву” – то же самое, что “против международного права”. По-английски – “crimes under international law”, что можно перевести и как преступления согласно международному праву, и как преступления по международному праву, и даже как преступления против международного права. В русском такое выражение “согласно международному праву” в формулировках принципов V, VI и VII заменено термином “международно-правовое преступление”, которое в дальнейшем не нашло поддержки. По-видимому, другие упомянутые термины лучше передают английское “crimes under International Law”.

Говоря о принципе II, нужно вспомнить о ст. 99 Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г.: “Ни один военнопленный не может быть предан суду или осужден за проступок, который не является наказуемым по законодательству державшей в плену Державы или по международному праву, которое действует в момент совершения проступка”⁴. Применительно к военнопленным это положение получило договорное закрепление.

Отдельно надо поговорить об императивном характере норм о преступлениях против мира. Эта категория преступлений получила свое название в Уставе Нюрнбергского Трибунала. В ст. 6 Устава к ним отнесены “планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений...”⁵. В исследовании, посвященном Нюрнбергскому процессу, опубликованном в 1995 г., рассматривается вопрос о преступности агрессии (И. И. Лукашук) и отмечается, что это – важнейший элемент более широкого принципа неприменения силы или угрозы силой⁶. В то же время другой автор, Д. Ф. Мэрфи (США), утверждает, что после Нюрнберга преступления против мира множество раз совершались безнаказанно. Он приходит к выводу, что в “практическом плане правовая нор-

ма о преступлениях против мира утратила свое значение”⁷.

Если придерживаться этой логики, тогда и принцип неприменения силы или угрозы силой утратил свое значение, поскольку очень часто безнаказанно нарушается. Но это, можно сказать, – часть фундамента, на котором покоится современное международное право. Если исходить из того, что запрещение агрессивной войны составляет неотъемлемый элемент данного принципа, то и норма об уголовной ответственности индивидов за агрессивную войну образует продолжение указанного принципа.

Заслуживает внимания ст. 5 (пункт 2) Определения агрессии, принятого Генеральной Ассамблеей 14 декабря 1974 г. Оно относится к действиям государства. Но в ст. 5 сказано: “Агрессивная война является преступлением против международного права. Агрессия влечет за собой международную ответственность”⁸. Комиссия международного права в комментариях к проекту Международного уголовного суда отметила, что резолюция Генеральной Ассамблеи об Определении агрессии “касается агрессии, совершаемой государствами, а не преступлений отдельных лиц...”⁹. Если ориентироваться на приговор Нюрнбергского трибунала, то *преступления против международного права* совершают индивиды. Тогда в ст. 5 Определения агрессии, хотя оно относится к действиям государства, говорится, в частности, и о действиях индивидов. А международная ответственность, о которой идет речь в ст. 5, должна, очевидно, охватывать как международно-правовую ответственность государства, так и уголовную ответственность физических лиц. Между прочим, интерпретировать можно и ответственность государства за агрессию как включающую обязанность привлечь к уголовной ответственности лиц, развязавших агрессивную войну.

Здесь опять можно услышать рассуждения о том, что такой аспект ответственности государства за агрессию остается, как правило, нереализованным. Но это не свидетельствует о потере правовой роли этой стороны ответственности государства. В решении Международного Суда от 27 июня 1986 г. по делу Никарагуа против США говорится о том, что засылка государством или от

³ Международное публичное право. Сб. документов. Т. 2. М., 1996. С. 101, 102.

⁴ Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. М., 1994. С. 101, 102.

⁵ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955. С. 155.

⁶ См.: Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / Под ред. И.А. Ледах и И.И. Лукашука. М., 1995. С. 131.

⁷ Там же. С. 142.

⁸ Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на двадцать девятой сессии. 17 сентября – 18 декабря 1974 г. Т. I. ООН, Нью-Йорк, 1975. С. 181, 182.

⁹ Доклад Комиссии международного права о работе ее сорок шестой сессии. 22 мая – 22 июля 1994 г. ООН, Нью-Йорк, 1994. С. 45.

имени государства вооруженных банд и т.п. (ранее это именовалось косвенной агрессией) отражает международное обычное право¹⁰.

Несомненно, прямая агрессия, которой посвящены положения ст. 3 Определения агрессии, тоже отражает международное обычное право. Точнее нормы о недопустимости косвенной агрессии приравниваются к нормам, касающимся прямой агрессии. Учитывая, что ст. 3 Определения агрессии должна восприниматься в контексте других положений Определения, можно считать, что и положения ст. 5 отражают международное обычное право.

Переходя к понятию международного преступления как деяния именно государства, неизбежно надо отметить, что Комиссия международного права отделила в своей работе, придерживаясь приговора Нюрнбергского Трибунала, деяния государства от деяний индивидов. В ст. 19 проекта статей об ответственности государств, предварительно одобренных Комиссией международного права по докладу Р. Аго, было предложено следующее определение международного преступления: «Международно-противоправное деяние, возникающее в результате нарушения государством международного обязательства, столь основополагающего для обеспечения жизненно важных интересов международного сообщества, что его нарушение рассматривается как преступление международным сообществом в целом, составляет международное преступление»¹¹. Далее перечисляются возможные наиболее типичные категории международных преступлений. Среди них в качестве примеров называются агрессия и геноцид, осуществляемые, разумеется, как государственная политика.

Комиссия международного права в конце концов отказалась от использования термина «международное преступление», употребляя вместо этого в статьях, касающихся ответственности государств за международно-противоправное деяние, выражение «серьезное нарушение государством обязательства, вытекающего из императивной нормы международного права»¹². Позднее это же выражение было применено для обозначения

деяния международно-противоправного деяния, совершаемого международной организацией¹³.

Понятие серьезного нарушения императивной нормы международного права охватывает международные преступления, и оно шире.

Тем не менее понятие международного преступления продолжает существовать не только на доктринальном, но и на практическом уровне благодаря приговору Нюрнбергского Трибунала.

Есть связь между международными преступлениями и преступлениями против международного права. Она бывает не всегда. Преступления против международного права (преступления по международному праву, преступления согласно международному праву) могут, например, совершаться частными лицами (пиратство). Представляют сейчас интерес те преступления против международного права, которые связаны с международными преступлениями. Попутно надо заметить, что международные преступления рассматривают обычно как деяния государств, но Комиссия международного права в подготовленных ею статьях об ответственности международных организаций сочла возможным международную организацию в определенных случаях признать ответственной за серьезное нарушение императивных норм международного права. Допустимо предположить, что самые тяжкие нарушения императивных норм международного права международной (межправительственной) организацией также будут рассматриваться как международное преступление.

Связь международного преступления и преступления против международного права существует, когда имеется в виду агрессия. Право Совета Безопасности ООН определять, совершен ли акт агрессии, неоспоримо. Неоспоримо и то, что индивиды, ответственные за агрессию, подлежат уголовному преследованию. Это еще раз подтверждает Статут Международного уголовного суда 1998 г. Необходимость такой нормы говорит об объективной потребности международного сообщества в ее наличии среди общепризнанных норм международного права. Можно высказывать соображения о ее эффективности. Но это – скорее область социологии международных отношений.

Статья 5 Римского Статута Международного уголовного суда предусматривает, что он обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений: а) преступления геноцида, б) пре-

¹⁰ International Court of Justice. Judgment of 27 June 1986. P. 103 (93).

¹¹ Ежегодник Комиссии международного права. 1980. Т. 11. Ч. II. ООН, Нью-Йорк, 1981. С. 32.

¹² Резолюции и решения, принятые Генеральной Ассамблеей на пятьдесят шестой сессии. 12 сентября – 24 декабря 2001 г. Т. 2. ООН, Нью-Йорк, 2002. С. 594.

¹³ См.: Доклад Комиссии международного права. Шестидесят третья сессия. 26 апреля – 3 июня и 4 июля – 12 августа 2011 г. ООН, Нью-Йорк, 2011. С. 67, 68.

ступлений против человечности, с) военных преступлений, d) преступления агрессии¹⁴. Обо всех указанных преступлениях речь идет как о преступлениях индивидов. Кроме агрессии, другие из них могут совершаться без участия государства, т.е. не быть составной частью международного преступления. Формулировка ст. 5 предполагает, что эти преступления, независимо от Римского Статута, относятся к преступлениям, которые межгосударственное сообщество считает общепризнанными в плане борьбы с ними (равняясь на приговор Нюрнбергского Трибунала).

Связь международных преступлений и преступлений против международного права проявляется в принципе международного права об индивидуальной ответственности за международные преступления. Более подробно это означает, что *индивиды несут уголовную ответственность за использование государства в качестве орудия совершения международных преступлений*. Индивиды должны занимать позицию, позволяющую выступать от имени государства. Государство же совершает международное преступление. Нюрнбергские принципы касаются действительно только индивидов. Однако они свои уголовно наказуемые деяния совершают, олицетворяя, по существу, государство.

Обсуждая вопрос об агрессии, которая должна влечь за собой международно-правовую ответственность государства и уголовную ответственность определенных лиц, приходится выяснять соотношение понятий агрессии и агрессивной войны.

Если Совет Безопасности дает или по меньшей мере в состоянии дать *юридически значимую* оценку того, что совершен акт агрессии, то он и должен определять, какой из этих актов может рассматриваться как агрессивная война. Здесь действуют *дискреционные* полномочия Совета Безопасности. Поэтому установить критерии упомянутых понятий не имеет смысла.

Каждое государство вправе заявлять, что действия другого государства — агрессия. Но это — политическая оценка. Проблема заключается в том, что Совет Безопасности чаще всего практически не может дать *обязательную международно-правовую оценку того, что совершена агрессия*, тем более если это не просто агрессия, а агрессивная война. Такое положение объясняет затруднение, которое возникает при сопоставлении полномочий Совета Безопасности определять совершение актов агрессии и полномочий Международного

уголовного суда осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, виновных в преступлении агрессии. Суд не может осуществлять юрисдикцию над такими лицами без констатации Советом Безопасности совершения акта агрессии. Иначе Международный уголовный суд окажется фактически вправе определять совершение акта агрессии, минуя Совет Безопасности. Получилось бы, что Суд вправе определять: некие лица совершили агрессию, хотя Совет Безопасности не определил, что агрессия *государством* была совершена.

Можно представить и определение акта агрессии на основании резолюции Генеральной Ассамблеи 377 (V) от ноября 1950 г.¹⁵, что противоречит Уставу ООН. Такие случаи, если говорить о Международном уголовном суде, носят гипотетический характер и не заслуживают пока обсуждения.

Нужно было бы также сказать, что часто журналисты и иногда политические деятели не заботятся о правильном употреблении слова “агрессия”, имея в виду то вооруженное нападение, то применение со стороны кого-либо вооруженной силы.

Агрессия как нарушение государством принципа неприменения силы или угрозы ее применения в межгосударственных отношениях *должна влечь* за собой международно-правовую ответственность независимо от того, смог ли Совет Безопасности дать этому надлежащую квалификацию. Но это — лишь в идеале.

Все ли акты агрессии являются международным преступлением? Могут совершаться акты сравнительно небольшого масштаба, которые, безусловно, порождают вопрос об ответственности государства, но не настолько опасные, чтобы их отнести к международным преступлениям. Надо помнить и о том, что Определение агрессии 1974 г. на самом деле было только определением вооруженной агрессии. О возможности других вариантов агрессии (экономической, информационной и т.д.) вопрос некоторое время в современных условиях активно не ставился. И ожидать, что он будет активно обсуждаться в ближайшем будущем, вряд ли стоит. Во всяком случае он не дойдет до повестки дня Совета Безопасности.

Одновременно все же нельзя забывать о ст. 19 проекта статей об ответственности государств, о которой говорилось выше.

¹⁴ См.: Док. ООН A/Conf. 189/9. 17 July 1998. P. 5.

¹⁵ См.: Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на пятой сессии с 19 сентября по 15 декабря 1950 г. ООН, Нью-Йорк, 1951. С. 11–14.

Там к международным преступлениям отнесено тяжкое нарушение международного обязательства, имеющего основополагающее значение для обеспечения международного мира и безопасности, такого как обязательство, запрещающее агрессию¹⁶. Не раскрыто, о каких видах, вариантах агрессии здесь сказано.

Если рассматривать как агрессию любое нарушение принципа, обязывающего государства воздерживаться от применения силы и угрозы её применения против территориальной неприкосновенности (“целостности” в английском тексте Устава ООН) или политический независимости какого-либо государства, а также другим образом, несовместимым с целями ООН, то это должно было бы подходить под запрет, указанный в ст. 19. Но, даже рассуждая логически, трудно вообразить, что угроза международному миру и безопасности, исходящая от того или иного государства, может быть квалифицирована как агрессия. В худшем случае она будет расценена как угроза агрессии, притом как угроза вооруженной агрессии.

Статья 19 сформулирована в общем виде. Она к тому же осталась частью *проекта*. Было бы разумным думать, что агрессия включает в себя главным образом акты противоправного применения силы, которые перечислены в ст. 3 Определения агрессии, без ущерба для дискреционных полномочий Совета Безопасности. Сюда войдет, естественно, и агрессивная война.

В доктрине сложилось мнение, что ст. 3 Определения агрессии в основном раскрывает и понятие вооруженного нападения. Именно оно, а не агрессия даёт государству – жертве нападения право прибегнуть к самообороне в соответствии со ст. 51 Устава ООН, не дожидаясь, когда Совет Безопасности примет решение о том, что совершен акт агрессии (если он в состоянии это сделать)¹⁷. Не будем анализировать понятие вооруженного нападения. Во-первых, это уже сделано неоднократно. Во-вторых, это не входит в задачу показать связь международного преступления и преступления против международного права.

Агрессивная война как международное преступление всегда должна сопровождаться уголовной ответственностью индивидов, причастных к совершению этого, но несколько иначе выглядит совершение геноцида, военных преступле-

ний и преступлений против человечности. Такие преступления, если они осуществляются в качестве государственной политики, составляют международное преступление и также должны сопровождаться уголовной ответственностью лиц, виновных в их совершении. Слово “должны” подразумевает, что это не непременно происходит, к сожалению, в действительности, как и констатация факта совершения международного преступления. Важно отметить, что индивиды, виновные в совершении указанных преступлений против международного права, подлежат уголовной ответственности и в тех случаях, когда государство не причастно к их совершению.

Нюрнбергские принципы должны восприниматься как руководство при осуществлении уголовного преследования лиц, виновных в совершении геноцида, военных преступлений и преступлений против человечности, несмотря на то, причастно ли государство к их совершению или не причастно.

В настоящий момент достаточно заметить, что, если вопреки власти государства происходят данные преступления, оно, очевидно, должно само справиться с возникшей ситуацией. Это не означает, что оно не несёт международно-правовой ответственности за случившееся, хотя такая ситуация не является международным преступлением. Другие члены межгосударственного сообщества вправе среагировать на подобную ситуацию. Какова будет реакция – зависит от конкретной ситуации. Что касается степени вовлеченности государства в эти преступления, то и это зависит от ситуации.

Противодействие международным преступлениям и преступлениям против международного права находит выражение в *концепции ответственности по защите*, оформленной в виде резолюции Генеральной Ассамблеи 60/1 от 16 сентября 2005 г., принявшей Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. В п. 138 Итогового документа предусматривается: “Каждое государство обязано защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Эта обязанность влечет за собой необходимость предотвращения таких преступлений, в том числе подстрекательств к ним, путем принятия соответствующих и необходимых мер. Мы признаем нашу ответственность в этом отношении и будем действовать в соответствии с ней”¹⁸. Эту концепцию называют по-разному (например, ответствен-

¹⁶ См.: Ежегодник Комиссии международного права 1980. Т. 11. Ч. II. ООН, Нью-Йорк, 1981. С. 32.

¹⁷ См.: Рыбаков Ю. М. Вооруженная агрессия – тяжчайшее международное преступление. М., 1980. С. 34.

¹⁸ Док. ООН A/RES/60/1. 24 October 2005. С. 37.

ностью защищать). Главное здесь – обязанность государств защищать своё население в первую очередь от самых опасных нарушений прав человека и ответственность государств за выполнение такой обязанности.

В п. 139 Итогового документа этот тезис дополняется задачами, стоящими перед международным сообществом: “Международное сообщество, действуя через Организацию Объединенных Наций, обязано также использовать соответствующие дипломатические, гуманитарные и другие мирные средства в соответствии с главами VI и VIII Устава для того, чтобы содействовать защите населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. В этой связи мы готовы предпринять коллективные действия, своевременным и решительным образом, через Совет Безопасности в соответствии с Уставом, в том числе на основании главы VII, с учетом конкретных обязательств и в сотрудничестве с соответствующими региональными организациями, в случае необходимости, если мирные средства окажутся недостаточными, а национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защищать свое население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности”¹⁹.

В Уставе ООН есть все положения, лежащие в основе концепции ответственности по защите. Она лишь расставляет необходимые акценты, хотя предпринимаются попытки исказить под тем или иным предлогом положения Устава. Об этом, в частности, пишет В.С. Котляр²⁰.

Замысел этой концепции возник еще до Всемирного саммита 2005 г. Было бы полезным напомнить о попытке определить ее на неправительственном уровне в 2001 г. в докладе Международной комиссии по интервенции и государственному суверенитету, созданной под эгидой канадского Министерства иностранных дел. Доклад получил название “Ответственность защищать”. В докладе в общей форме отмечается, что в чрезвычайных и исключительных случаях ответственность реагировать может потребовать военной акции, если все государства, например, считают, что в каком-либо государстве разрушен порядок или гражданский конфликт и репрессии

имеют насильственный характер против гражданского населения, угрожающий массовой резней, геноцидом или этнической чисткой в большом масштабе²¹.

Значительная часть доклада была посвящена не столько ответственности государств за защиту прав своего населения, сколько возможности его защиты *против своего государства*. При анализе критериев правомерности военной интервенции под этим названием используются разные правовые основания, якобы соответствующие Уставу ООН. Делается вывод, что коллективная интервенция “с благословения ООН рассматривается как легитимная, поскольку она надлежащим образом уполномочена представительным органом”²². Устав ООН, правда, нигде не говорит о военной интервенции. Создается впечатление, что авторы доклада стремятся доказать: коллективная военная интервенция может осуществляться без санкции Совета Безопасности. Такое утверждение похоже на закамуфлированное возрождение тезиса о возможности гуманитарной интервенции.

В концепции по защите в резолюции 60/1 Генеральной Ассамблеи прежде всего сделано упоминание на ответственность государства обеспечить свое население от указанных в ней преступлений. В ней сказано и о ситуации, когда национальные органы власти явно окажутся не в состоянии защитить своё население от указанных преступлений. Исключая случаи, когда органы власти парализованы, когда государство существует номинально (это случается редко), можно утверждать, что государство, допуская геноцид, военные преступления и преступления против человечности, совершает международное преступление.

Сложнее обстоит дело с понятием этнических чисток. Нет нормативного определения этого понятия. Оно получило распространение в результате событий в Югославии в 90-е годы XX в. и было политизировано. В Римский Статут Международного уголовного суда оно не было включено. По-видимому, обсуждать вопрос о международном преступлении как характеристике этнических чисток преждевременно.

Снова надо сослаться на ст. 19 проекта статей, первоначально одобренных Комиссией международного права по докладу Р. Аго. Среди категорий международных преступлений в ней названы тяжкие массовые нарушения международного

¹⁹ Док. ООН A/RES/60/1. 24 October 2005. С. 37.

²⁰ См.: Котляр В.С. Теория и перспективы концепции “Ответственность по защите” в свете принципа верховенства международного права в международных отношениях // Росс. ежегодник международного права. 2013. СПб., 2014. С. 52–65.

²¹ См.: The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa, December 2001. P. 31.

²² Ibid. P. 48.

обязательства, имеющего основополагающее значение для защиты человеческой личности, такого как обязательства, запрещающие рабство, геноцид, апартеид²³. Концепция ответственности по защите раскрывает, в сущности, понятие международных преступлений, когда имеются в виду действия государства в пределах своей территории, кроме военных преступлений. Эта концепция, как указывалось, посвящена ответственности государств за обеспечение своего населения от тяжких нарушений прав человека, но не снимает ответственности за обеспечение прав человека вообще, в том числе обязанности не совершать актов агрессии против других государств. Всемирная конференция по правам человека «подтвердила, что священный долг всех государств — выполнять свои обязательства по поощрению всеобщего уважения, соблюдения и защиты всех прав человека и основных свобод для всех»²⁴.

Необходимо обратить внимание на п. 139 Итогового документа 2005 г., где сказано, что в определенных случаях Совет Безопасности может использовать гл. VII Устава ООН. Это говорит о том, что Совет Безопасности вправе принимать решение об использовании принудительных мер, если власти какого-либо государства осуществляют геноцид, военные преступления и преступления против человечности, т.е. международные преступления.

В этом же пункте подчеркивается, что Генеральная Ассамблея должна продолжать рассматривать вопрос об обязанности защищать население от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности и о последствиях этой обязанности, учитывая принципы Устава и международного права²⁵. Нетрудно заметить, что здесь проглядывает связь международных преступлений и преступлений против международного права. Об этом говорится в выражении «учитывая принципы Устава и международного права».

Принципы Устава ООН — тоже принципы международного права применительно к членству в ООН, а принципы международного права в целом — это и основные принципы, и отраслевые (или специальные) принципы. В них без сомнения входят Нюрнбергские принципы. На них должны строиться дела, касающиеся рассмот-

рения ситуаций, связанных с геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности. С одной стороны, это относится к компетенции Совета Безопасности, поскольку следует говорить о действиях государства, совершающего международное преступление и несущего международно-правовую ответственность, а с другой — это деяния индивидов, подлежащих уголовной ответственности с надлежащим использованием Нюрнбергских принципов.

Концепция ответственности по защите не охватывает обязанности не совершать военных преступлений против государств в ходе вооруженных конфликтов с какими-либо другими государствами. Если это — государственная политика, она должна быть также расценена как международное преступление, а лица, виновные в совершении военных преступлений, должны подлежать уголовной ответственности.

Сочетание международных преступлений и преступлений против международного права может наблюдаться на части территории государства (например, геноцид или военные преступления против своего населения). Привлекает внимание в связи с этим Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, принятый и подписанный 12 февраля 2015 г., который был одобрен резолюцией Совета Безопасности ООН 2202 (2015) от 17 февраля 2015 г., в результате чего данный документ получил международно-правовой статус²⁶. Задержка с выполнением этого документа со стороны Украины ведет к непредсказуемым последствиям и представляет собой нарушение резолюции Совета Безопасности ООН.

Не согласовываются с этой резолюцией и заявления украинской стороны о том, что юго-восток Украины оккупирован, что Россия является агрессором. Во-первых, имеется в виду порядок самоуправления в «отдельных регионах» Донецкой и Луганской областей. Если речь шла об оккупированных территориях, то ни о каком особом режиме этих территорий нельзя было бы и говорить. Выражение «отдельные районы» — результат компромисса с целью не употреблять названия «Донецкая Народная Республика» и «Луганская Народная Республика». Во-вторых, непонятно, кто оккупант. Если Россия, то она не является участницей конфликта. На официальном уровне Россия неоднократно заявляла, что никаких воинских российских подразделений в этих районах нет. Если имеются в виду лица из числа

²³ См.: Ежегодник Комиссии Международного права 1981. Т. 11. Ч. II. ООН, Нью-Йорк, 1981. С. 32.

²⁴ Всемирная Конференция по правам человека. Венская декларация и Программа действий. Июнь 1993 г. ООН, Нью-Йорк, 1995. С. 24.

²⁵ См.: Док. ООН A/RES/60/1. 24 October 2005. С. 37.

²⁶ Док. ООН S/RES/2202 (2015).

российских граждан, которые добровольно могли бы стать участниками ополчения, противодействующего грубым и массовым нарушениям прав человека, совершаемым киевскими властями на юго-востоке Украины, то это — их личное дело. Если же под оккупантами украинская сторона понимает ополченцев из числа украинских граждан, то их невозможно рассматривать как оккупантов, поскольку они являются гражданами Украины, в основном сопротивляющимися нарушению прав человека. В Комплексе мер по выполнению Минских соглашений (п. 6) предусматриваются освобождение и обмен всех заложников и незаконно удерживаемых лиц на основе принципа “всех на всех”. При всем желании их нельзя отнести к оккупантам. В-третьих, непонятно, каким образом Россию можно отнести к агрессору. Любое государство, конечно, может заявлять, что другое государство совершило против него агрессию. Но без серьезных доказательств эта позиция — только пропагандистский прием, способный бросить тень на лиц, выступающих от имени данного государства. Смешивать агрессию как квалификацию, даваемую Советом Безопасности ООН (на что уже ранее указывалось), и вооруженное нападение, оценка которой принадлежит жертве нападения (без ущерба для полномочий Совета Безопасности), значит впадать в ошибку, иногда граничащую с правовой безграмотностью.

Попытки украинской стороны рассуждать о России как о нападающей державе, смешивая ее к тому же с агрессией, бросаются в глаза своей надуманностью. Россия и Украина продолжали поддерживать дипломатические отношения при достижении Минских соглашений, что было бы невозможно в случае военного конфликта между ними.

Вопрос о воссоединении Крыма с Россией в связи с этим не имеет ничего общего с нарушением Россией территориальной целостности Украины. Россия, как и США, Соединенное Королевство и Украина, является участницей Меморандума от 5 декабря 1994 г., в котором подтверждаются границы Украины²⁷. Волнения крымского населения, среди которого 80% составляют русские, произошли в результате действий украинских националистов, съехавшихся из других областей Украины, что заставило крымское население требовать независимости от Украины и затем воссоединения с Россией. В этот период после государственного переворота на Украине в начале 2014 г. царило безвластие, поэтому России при всем желании не с кем было разговаривать о статусе рус-

ского населения Крыма и надо было ориентироваться на волю граждан Крыма. Не Россия была инициатором вхождения Крыма в состав России. Как правило, национальное меньшинство не имеет права на отделение. Но ситуация в Крыму свидетельствовала об опасности геноцида русского населения Крыма и преступлений против человечности. В условиях безвластия на Украине жителями Крыма был правомерно поставлен вопрос об отделении от Украины и дальнейшем воссоединении с Россией. Никакой аннексии Крыма Россией не было. Аннексия, т.е. насильственный захват в результате военных действий или угроза такого захвата, противоречит Уставу ООН. Произойти в конечном счете опирающееся на волеизъявление населения Крыма восстановление исторических прав России на Крым.

Если мы посмотрим на ситуацию на Украине, особенно на ситуацию в Донецкой и Луганской областях, то можем отметить и элементы геноцида (в отношении русского населения), и военные преступления, и преступления против человечности в отношении всего населения Донбасса. Важны их систематичность и массовость. Только если Минские соглашения будут действительно осуществлены, они могут считаться выполненными в отношении юго-востока Украины.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., предусматривает уголовную ответственность за действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую. Эти действия включают предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение её (ст. II, п/п “с”). Такие действия имеют прямое отношение к политике киевских властей на юго-востоке Украины, в том числе и за соучастие в геноциде (ст. III, п/п “е”)²⁸. Киевские власти должны были бы отвечать уже и за совершение международного преступления.

Журналисты иногда называют геноцидом вообще грубые и массовые нарушения прав человека. Это неверно. Другие нарушения прав человека такой категории не становятся от этого менее значительными. Просто они требуют другой квалификации. Следует иметь в виду также, что геноцид, военные преступления и особенно преступления против человечности могут сопутствовать друг другу.

²⁷ См.: Док. CD/1285. 21 December 1994.

²⁸ Действующее международное право. Т. 2. М., 1997. С. 68, 69.

Необходимо выделить серьезные нарушения принципа уважения прав, которые допускаются киевскими властями в отношении свободы слова и убеждений. Закрывается свободный доступ российским журналистам к освещению событий на Украине. А то, что легально существуют и действуют неонацистские организации, берущие на вооружение бандеровские лозунги, полностью расходящиеся с Итоговым документом Всемирного саммита 2005 г. и Нюрнбергскими принципами, вызывает особую озабоченность.

Целесообразно сослаться на п. 3 преамбулы Всеобщей декларации прав человека, положения которой признаются нормами международного обычного права, включая и преамбулу как часть положений Декларации. В ней сказано: "...необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать в качестве последнего средства к восстанию против тирании и угнетения..."²⁹. В английском тексте этого пункта преамбулы сказано даже более четко — права человека должны охраняться не властью закона, а защищаться господством права (rule of law). Закон сам по себе может быть противоправным. Нужно господство права, чтобы не было у властей государства даже искушения грубо нарушить принцип уважения прав человека.

Слово "человек" имеет значение "люди". Ясно, что человек как физическое существо не может прибегать к восстанию без поддержки других людей. Слово "восстание" надо также понимать в расширительном смысле. Это могут быть и длительное сопротивление, ведущее к гражданской войне, и социальная революция. Наконец, закон в русском тексте преамбулы Декларации следует воспринимать как синоним права (принимая во внимание английский текст).

Концепция по защите исходит из того, что государства добросовестно выполняют её положения. Она перекликается с п. 3 преамбулы Всеобщей декларации прав человека. Было бы логичным задать вопрос: если права человека не защищаются господством права, тогда население, страдающее

от нарушений прав человека, может прибегнуть к последнему средству, о котором сказано в этом пункте. Оно может оказаться в таких условиях, когда будет вынуждено не оставаться пассивным. Надо также иметь в виду, что в таком положении может оказаться не всё население государства, а какая-то его часть. Так, от геноцида могут страдать только некоторые слои населения, которые вынуждены будут сопротивляться.

Нет нормы, определяющей перечень международных преступлений и перечень преступлений по международному праву. Это и вряд ли возможно. Но есть нормы международного права, которые, бесспорно, общепризнанны и свидетельствуют о том, что агрессивная война, геноцид, военные преступления и преступления против человечности, возводимые в ранг государственной политики, являются международными преступлениями. Подводя итоги сказанному, это и есть область международного права, регламентирующая международно-правовую ответственность государств, независимо от того, совершаются ли такие деяния вне пределов собственной территории государства, как агрессивная война, или в пределах собственной территории.

Есть также нормы международного права, которые общепризнанны, предусматривающие обязанность государств привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в развязывании и ведении агрессивной войны, геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности. Сама уголовная ответственность данных лиц — область уголовного, а не международного права. К международному праву относится указанная обязанность государств, признание этих деяний преступлениями против международного права.

Размышляя об агрессии, геноциде, военных преступлениях и преступлениях против человечности как о международных преступлениях и преступлениях против международного права, можно прийти к заключению, что и в одном, и в другом случае, говоря об общепризнанности соответствующих норм международного права, надо иметь в виду их императивный характер (jus cogens).

²⁹ Там же. С. 5.